

УДК 091:165.62

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ КАК ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ:
К ПРОЯСНЕНИЮ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ
ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ.**

Шиян А. А.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: annasamoikina@yandex.ru

В данной статье феноменология Гуссерля представлена как трансцендентальная философия, в центре внимания которой стоит проблема обоснования познания. С этой целью рассмотрена специфика гуссерлевского подхода к обоснованию и к критике познания. Анализируются два направления обоснования познания в текстах Гуссерля: решение общих и фундаментальных проблем познания и разработка методологии подтверждения и прояснения обыденного и научного знания. Особое внимание уделяется обоснованию обыденного знания об окружающих вещах, которое, по Гуссерлю, нам дано, прежде всего, в актах восприятия. В связи с этим рассматриваются различные интерпретации гуссерлевского трансцендентального сознания. В заключении формулируется вывод об условиях возможности познания с точки зрения феноменологии Гуссерля. Первым условием является функционирование культурно-исторической трансцендентальной субъективности, в процессе которого формируются основные типовые различия повседневного опыта и основные регионы научного знания. Вторым условием познания является повседневный опыт сознания, который обеспечивает восприятие окружающей предметности и из которого произрастают все базовые научные идеализации, он и обуславливает формы наших суждений.

Ключевые слова. Трансцендентализм, познания, феноменология, жизненный мир, опыт.

Трансцендентальной философией Гуссерль называет традицию, начавшуюся с Декарта и пришедшую к завершению в трансцендентальной феноменологии. Гуссерль подчеркивал, что Декарт первый ввел «мотив вопрошания о последнем источнике всех познавательных образований» [9, с. 264] и с тех пор проблематика оправдания познания является важнейшей в философии. Феноменология как философское направление началась именно с обоснования логики и математики, и с тех пор трансцендентальная проблематика обоснования знания была одной из основных в творчестве Гуссерля. Можно с полным правом утверждать, что Гуссерль встраивает свою философию в традицию теоретико-познавательного трансцендентализма, поскольку она имеет притязания решить проблему возможности объективного знания.

Однако трансцендентальной феноменологией Гуссерль стал называть свое учение только после выхода Первой книги «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» в 1913 году. В этой и в следующих работах

Гуссерль использует такие выражения как «трансцендентально-чистое сознание», «трансцендентальное Я», «трансцендентальная редукция» и др., которые вовсе не являются признаками теоретико-познавательной проблематики, а скорее, приписывают понятию «трансцендентальный» онтологический смысл в духе «ранних» Шеллинга и Фихте, в соответствии с ним трансцендентальное Я (трансцендентальное сознание) является единственным источником бытия мира. В данной статье мы отвлечемся от смыслов понятия «трансцендентальный» у Гуссерля, не относящихся к обоснованию знания, а рассмотрим феноменологию Гуссерля как продолжение декартовско-кантовской теоретико-познавательной традиции. Нашей **задачей** является сформулировать возможный гуссерлевский ответ на кантовский вопрос об условиях возможности познания. Реконструкция этого ответа составит **новизну** настоящего исследования. Мы покажем, что Гуссерль видит два типа условий познания – условия первого типа лежат в плоскости функционирования культурно-исторической трансцендентальной субъективности, а второго – в границах повседневного опыта сознания.

Прежде чем рассмотреть гносеологическую позицию Гуссерля, необходимо зафиксировать его онтологическую установку. Для Гуссерля, как и для Канта, существует мир, независимый от сознания и нашей субъективности. Но если для Канта этот мир «вещей-самих-по-себе» является для нас непознаваемым, а мы можем обладать знаниями лишь о явлениях, то Гуссерль утверждает принципиальную возможность познаваемости внешних вещей, которая реализуется лишь путем знания о данности вещей нашего опыта. Впрочем, это не значит, что данная возможность может быть реализована окончательно и однозначно. Другими словами, по Гуссерлю, явления – это путь к «вещам-самим-по-себе».

Можно выделить два направления обоснования научного познания Э. Гуссерлем.

Решение общих и фундаментальных проблем познания. К ним относятся: фиксация противоречий познания в различных философских направлениях, обоснование принципиальной возможности и выявление предпосылок познания, прояснение природы логических суждений, в которых выражается знание.

Разработка методологии подтверждения и прояснения любого знания: научного и обыденного.

Далее остановимся подробнее на каждом из этих направлений.

Главная проблема познания, по Гуссерлю, заключается в поиске ответа на вопрос: как возможно познание того, что является трансцендентным по отношению к нашим познающим актам? Или, в другой формулировке: как субъективное сознание может познать нечто объективное? «Если я не схватываю, **как** возможно, что познание должно постичь нечто ему трансцендентное, то я также не знаю, **возможно** ли это», – пишет Гуссерль в «Идеи феноменологии» [2, с. 108]. Для решения этой проблемы Гуссерль вводит понятие очевидности как ясного и отчетливого познания, обоснование принципиальной возможности достижения которой и является обоснованием познания. При этом факт достижения очевидности означает, что мы достигли имманентного знания, то есть, истинного и объективного. Обобщая гуссерлевские исследования очевидности, можно коротко

так сформулировать их итог: очевидность возможно достичь в ходе исследования переживаний сознания и их коррелятов, а также в случае усмотрения сущностей и сущностных закономерностей.

Задача выявления предпосылок научного познания (науки), для Гуссерля, – это прежде всего задача фиксации и оправдания сущностных закономерностей основных регионов действительности, в рамках которых функционируют все научные дисциплины. Во второй книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» [10] Гуссерль выделяет три региона, сущностные закономерности которых определяют все известные научные законы: регион материальных вещей, живых организмов и социальных личностей. Сами сущностные законы регионов определяются основной категорией региона (материальная вещь, живой организм, личность), интуитивно схватываемая сущность которой является путеводной нитью для формулирования всех закономерностей данного региона.

Что касается обоснования логических суждений, в которых заключены все научные положения, то, обобщая гуссерлевские исследования по обоснованию логики, можно сделать следующий вывод: наши высказывания имеют ту или иную форму, поскольку наше сознание функционирует строго определенным образом [4, с. 172–181]. А поскольку репрезентантом опыта сознания у Гуссерля является восприятие, то основные закономерности сознания он усматривает именно в опыте протекания восприятия. Например, форму суждения «S есть P» Гуссерль обосновывает тем, что сначала мы воспринимаем предмет в целом (субъект S), а потом концентрируемся на каком-то его отдельном признаке (предикат P).

Метод прояснения научного знания основан на убеждении Гуссерля в том, что все научные понятия и законы являются некими идеализациями (конструкциями), для оправдания которых необходимо свести их к положениям, которые, в свою очередь, можно проверить в повседневном опыте. Так, во второй книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» он исследует базовые сущностные закономерности региона «материальная вещь». Гуссерль анализирует разные случаи, в которых можно подтвердить или опровергнуть положение о связи материальности и пространственности вещи: например, разбить материальный предмет, согнуть железку и т. д. В работе «Кризис европейских наук и трансцендентальной феноменологии» Гуссерль пытается выявить исходный повседневный опыт, который лежит за базовыми идеализациями галилеевской физики. Гуссерль использует рефлексивный метод анализа конкретного опыта с целью сопоставления его с уже существующим знанием. Именно здесь, мы считаем, демонстрируется одно из возможных раскрытий тезиса Гуссерля об обосновании всех наук в жизненном мире, то есть в нашем обыденном опыте. И эта мысль – отнюдь не достижение позднего Гуссерля. С необходимостью обоснования знания в обыденном опыте мы можем встретиться, например, уже в лекциях 1906/07 гг. «Введение в логику и в теорию познания» [6, с. 256]. В более поздний период «жизненный мир» (уже вполне осознанно) начинает играть роль почвы, из которой произошли все научные идеализации.

Итак, сформулируем возможный гуссерлевский ответ на кантовский вопрос об условиях возможности научного познания. Научное познание со стороны содержания обусловлено основными категориями и сущностными закономерностями регионов действительности, в рамках которых формулируются все научные законы, и принципами функционирования сознания – со стороны формы языкового выражения суждений. К условиям возможности научного знания следует еще добавить конструктивную способность сознания, благодаря которой из повседневного опыта образовались идеальные объекты и законы науки. Причем, как часто подчеркивает Гуссерль в своих текстах раннего и среднего периода, сущностные закономерности различных регионов существуют реально, для всех времен и сознаний, хотя однозначное и абсолютное их схватывание невозможно, даже в интуитивном виде. Мы можем только к нему асимптотически приближаться. Так мы видим, что в отличие от Канта, Гуссерль ведет речь не только о субъективных, но и об объективных условиях достижения научного знания, которые существуют независимо от познающего субъекта.

Жизненный мир выступает в феноменологии Гуссерля не только почвой для обоснования наук, но и представляет самостоятельный интерес. В сферу интересов трансцендентальной феноменологии входит не только научное и обыденное знание, но и мир. «Трансцендентальная проблема есть проблема универсальная, относящая ко всему миру и ко всем наукам о мире, однако раскрывается она в совершенно новом измерении по сравнению с проблемой естественного универсума, теоретическое решение которой достигается в ветвящихся позитивных науках» [1, с. 324], – пишет Гуссерль в «Амстердамских докладах».

Чтобы в контексте теории познания понять тезис о том, что трансцендентальная проблема относится к миру, обратимся к онтологической предпосылке Гуссерля о существовании мира независимо от сознания. Эта предпосылка дополняется убеждением Гуссерля (которое также имеет статус предпосылки), что мир, как он есть, может быть дан в нашем повседневном опыте. Таким опытом для Гуссерля является восприятие. Именно восприятие обеспечивает нам доступ к вещам, как они есть на «самом деле». Конечно, это не означает, что в конкретном восприятии нам дана вещь исчерпывающим образом, и, кроме того, то, что есть возможность «схватить» действительную вещь, еще не означает, что она непременно осуществится. Мы можем обмануться, плохо разглядеть предмет, просто что-то дофантазировать и т. д. Именно для удостоверения в том, что воспринимаемые вещи являются реально существующими вещами с реальными свойствами, отношениями и особенностями, Гуссерль разрабатывает методологию достижения и подтверждения истины. Речь идет о методе приведения к очевидности на основе рефлексивного анализа. Тогда решением трансцендентальной проблемы мира будет обоснование и подтверждение того, что воспринимаемые нами предметы являются реально существующими вещами.

Итак, трансцендентальная феноменология вербально исследует то, что дано нам в повседневной жизни, в опыте восприятия окружающих вещей, то есть, невербально. И, как это ни удивительно, акт восприятия (невербальный акт!) Гуссерль часто называет познающим актом, познанием, и тогда получается, что

воспринимаемый предмет можно смело назвать знанием. То есть, окружающий нас мир является, по Гуссерлю, знанием, которое, правда, необходимо удостоверить в его истинности. Видимо, понимая, что идет вразрез с классической традицией, согласно которой знание всегда является вербальным и выражается в суждениях, Гуссерль в «Опыте и суждении» относит восприятие также к классу суждений, определяя общий признак суждений как наличие минимальной активности [8, с. 62–63].

Вышеизложенное дает нам право включить гуссерлевскую проблематику мира в трансцендентальную традицию оправдания познания. Тогда трансцендентальный вопрос о возможности познания можно переформулировать следующим образом: как возможна истинная («действительная») данность мира и предметов мира? То есть, каковы условия возможности того, что в нашем обыденном опыте сознания, прежде всего, опыте восприятия мы имеем дело с «действительными» миром и его предметами?

Делая вывод из многочисленных гуссерлевских дескрипций процесса восприятия вещи, можно дать следующий ответ. Условием данности вещей являются существование сущности предмета, которая является путеводной нитью при его восприятии, и интенциональность как свойство сознания, которое позволяет нам схватить действительный предмет, исходя из этой сущности и с определенной точки зрения. Причем, эта сущность явно не дана, но неявно подразумевается и, соответственно, явлением предмета «весь» предмет не исчерпывается. Здесь речь идет о тройственном различии акта сознания, предмета и его данности (значения), которое Гуссерль выявил в нашем опыте и впервые сформулировал в 1-ом Логическом исследовании, рассматривая знаковые выражения. Применяя это различие к нашему опыту повседневного восприятия, можно привести следующий пример. Воспринимая стол, мы, с одной стороны, понимаем, что конкретной данностью стола не исчерпываются все свойства стола, ведь может прийти другой человек и увидеть этот стол совсем иначе, исходя из своих задач и установок, и это тоже будет действительный стол. Но мы прекрасно понимаем, что никто не может увидеть «лающий стол», поскольку это противоречит сущности стола. «То, что восприятие, как и вообще всякий опыт, является восприятием именно вот этого так-то ориентированного, так-то окрашенного, так-то оформленного и т. д. предмета, – это относится за счет его сущности, причем все равно, как обстоит дело с «существованием» предмета» [3, с. 216], – пишет Гуссерль в «Философии как строгой науки».

Многочисленные страницы Гуссерлианы посвящены исследованию функционирования сознания, описанию процесса данности предметностей сознанию, выявлению закономерностей протекания восприятия. Процесс данности предметов сознанию Гуссерль обозначает термином «конституирование». Описание конституирования осуществляется в особой феноменологической установке, в установке, в которой, как пишет Гуссерль в Первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», открывается область трансцендентально-чистого сознания. Существует точка зрения, что гуссерлевская феноменология может быть названа трансцендентальной именно потому, что

«имеет дело с прояснением мировой трансценденции посредством конкретизации конституирующих достижений интенциональности» [5, с. 285].

Однако развитие этого положения часто приводит к «неокантианскому» толкованию феноменологии Гуссерля, где условия возможности познания заключены исключительно в самом познающем сознании. Основания для этого дает отчасти и сам Гуссерль. Так, в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» он пишет о первичности бытия сознания по отношению ко всем другим видам бытия и определяет феноменологию как науку о сущности феноменов сознания, которая начинается с совершения трансцендентально-феноменологической редукции. В этом случае «конституирование» нужно понимать как конструирование и положение о том, что предметы являются коррелятами сознания, легко переворачивается в утверждение о том, что предметы в феноменологии являются лишь предметами возможного опыта сознания. И отсюда легко сделать вывод о том, что в трансцендентальной феноменологии мир творится сознанием. Эту линию можно проследить на протяжении развития всего творчества Гуссерля, начиная от модели формирования предметов сознания по схеме «морфе – гиле» в «Логических исследованиях» до конструирования человеческой общности как сообщества монад в «Картезианских медитациях». Тогда одна из основных гуссерлевских предпосылок познания – самостоятельное существование идеальных сущностей – полностью нивелируется, так как сами сущности существуют лишь в сознании и самостоятельного онтологического статуса не имеют. И с этой точки зрения, тот факт, что мы не можем никогда в нормальной жизни увидеть «лающий стол», объясняется нашим прошлым опытом, в котором столы не лают. А этот опыт актуализируется цепью ассоциаций, играющей основную роль в познании предметов.

Здесь необходимо заметить, что сам Гуссерль, действительно, использует термин феноменология иногда очень узко, как учение о сознании и его феноменах. Но мы исходим из предельно широкого понимания феноменологии, которое Гуссерль дает в лекциях 1906/07 гг., согласно которому, под феноменологией понимается возможность чисто имманентного исследования всего трансцендентного [6, с. 219]. Тогда под феноменологией понимается вся философия Гуссерля, включая его обоснования науки, учение о сущностях и предпосылках любого знания. И эти две стороны философии Гуссерля – учение о трансцендентально чистом сознании и прояснение сущностных взаимосвязей – нелегко скоординировать. То есть получается, что мы стоим перед онтологической дилеммой: либо абсолютное бытие сознания означает, что оно конструирует весь мир, либо существуют сущности и сущностные закономерности различных регионов (в том числе и сознания), благодаря которым окружающий мир таков, каков он есть. А сознание лишь обеспечивает доступ к нему. И только исходя из разрешения этой дилеммы, можно окончательно сформулировать условия нашего познания.

Однако сам Гуссерль так вопрос не ставит, и, кажется, противоречивости своей позиции не замечает. Тем не менее, возможность снятия сформулированной выше дилеммы можно найти в творчестве Гуссерля позднего периода, прежде всего во

второй части «Первой философии» [9, с. 73]. Но для этого необходимо провести различие, которое в явной форме Гуссерль не фиксировал, но без которого трудно удержать эти два толкования трансцендентальной феноменологии одновременно. Речь идет о различии между нашим актуальным опытом сознания и трансцендентальной субъективностью, имеющей культурно-историческую природу. Да, в конкретном опыте сознания мы можем воспринять предмет как действительный, в соответствие с его сущностью. Да, возможно, наше актуальное восприятие обусловлено потоком ассоциаций, указывающим на наш прошлый опыт. Но сам процесс запуска той или иной цепочки ассоциаций определяется контекстом, в который помещен предмет и который задают индивидуальные сущности предметов в этом контексте. Так, возвращаясь к примеру с «лающим столом», можно заметить, что в контексте учебного заведения столы не лают, даже если в нашем прошлом опыте мы могли это наблюдать, например, на карнавале. Но наличие самих контекстов, основные типовые различия, сквозь которые мы видим мир, у нас уже есть в сознании, они и обуславливают любой возможный конкретный опыт. Они формируются в результате совместной деятельности людей и передаются от поколения к поколению. И эта передача не обязательно регулируется механизмами сознания, а передается также через деятельность и непосредственные образцы поведения. Можно сказать, что трансцендентальная субъективность конструирует мир, но мы застаем мир уже сконструированным, поделенным на отдельные регионы и уже с имеющимися базовыми различиями.

В **заключение** можно так сформулировать гуссерлев ответ на кантовский вопрос об условиях возможности познания. К этим условиям он относит:

- функционирование культурно-исторической трансцендентальной субъективности, в ходе которого формируются основные типовые различия повседневного опыта и основные регионы научного знания;

- наш повседневный опыт сознания, который обеспечивает восприятие окружающей предметности, из которого произрастают все базовые научные идеализации и который обуславливает формы наших суждений.

При этом важно обратить внимание на то, что эти условия, по Гуссерлю, являются субъективными и, в отличие от положений классической традиции, эта субъективность для него имеет культурно-исторический характер. Специфика же гуссерлевского варианта трансцендентализма заключается также и в том, что он ищет, прежде всего, ответы на вопрос о возможности содержательного (а не только формального, как у Канта) удостоверения нашего научного и повседневного знания и разрабатывает метод этого удостоверения.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Амстердамские доклады / Эдмунд Гуссерль. Избранное. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 464 с.
2. Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций / Гуссерль Э., пер. с нем. Н.А. Артеменко; вступ. ст. и коммент. И. И. Мавринского. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. – 224 с.
3. Гуссерль Э. Философия как строгая наука / Гуссерль Э. Избранные работы. – М., 2006. – 216 с.

4. Шиян А. А. Феноменологическое обоснование логики // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Том 1 (67). – №1. – С. 178–180.
5. Gander Hans-Helmut (Hrsg.) Husserl-Lexikon. – Darmstadt, 2010. – 285 s.
6. Husserl E. Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. Vorlesungen 1906/07 // Husserliana XXIV. Herausgegeben von Ullrich Melle. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1985. – 214 s.
7. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. Husserliana VI. Herausgegeben von Walter Biemel. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976. – 323 s.
8. Husserl E. Erfahrung und Urteil / E. Husserl; Red. u. hrsg. von L. Landgrebe. – Hamburg: Meiner, 1999. – 492 s.
9. Husserl E. Erste Philosophie (1923/4). Zweiter Teil: Theorie der phänomenologischen Reduktion. // Husserliana VIII. Herausgegeben von Rudolf Boehm. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1959. – 190 s.
10. Husserl E. Ideen zur einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution // Husserliana IV. Herausgegeben von Marly Biemel. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952. – 483 s.
11. Husserl E. Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester. 1925 // Husserliana IX. Herausgegeben von Walter Biemel. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1968. – 651 s.

Shiyan A. A. Transcendentalism as a Theory of Knowledge: Transcendental Clarification of the Installation of Edmund Husserl // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 31–39

It is shown that the main problem of cognition for Husserl is answering the question, how may the cognition of what is transcendent be relative to our cognize acts of consciousness. To solve this problem Husserl introduces the concept of evidence (clear and distinct discretion). Substantiation of possibility of the achievements of evidence is substantiation the principle of possibility of cognition. The task of establishing the premises of scientific knowledge (science) for Husserl is primarily the task of fixing and justification of the essential regularity of major regions of reality (material things, living beings and as social beings) within the bounds which all scientific disciplines operate. Method of clarifying scientific knowledge is based on Husserl's thesis that all scientific concepts and laws are certain idealizations (constructs), to justify which it is necessary is to take them to the locations that you can check in daily experience. To do this, Husserl uses a reflexive method of analysis of the experiences in order to matching it with existing knowledge. Special attention is paid to issues of the life-world. Its acts in Husserl's phenomenology is not the only being ground for justification of the Sciences, but it is also of independent interest. The author draws attention to the fact that our ordinary perception of Husserl provides accessing the "things-in-themselves", to really existing world. Husserl considers nonverbal perception to the cognized acts. In this case, the real world and its objects are given to us in the ordinary experience.

Keywords: transcendentalism, cognition, phenomenology, life-world, experience

References

1. Husserl E. Amsterdamskie doklady [The Amsterdam Reports]. Moscow, Territorija budushhego, 2005, 464 p.
2. Husserl E. Ideja fenomenologii: Pjat' lekcij [The Idea of Phenomenology: Five Lectures]. SPb, Humanitarian Academy, 2006, 224 p.
3. Husserl E. Filosofija kak strogaja nauka [Philosophy as rigorous science]. Moscow, 2006, 216 p.
4. Shiyan A. A. Fenomenologicheskoe obosnovanie logiki [Phenomenological Justification of Logic]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija: Filosofija, Kul'turologija, Politologija, Sociologija. [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political sciences. Culturology], 2015, Vol. 1 (67), no. 1, P. 178–180.
5. Gander Hans-Helmut (Hrsg.) Husserl-Lexikon. Darmstadt, 2010, 285 p.

6. Husserl E. Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. Vorlesungen 1906/07. Husserliana XXIV. Herausgegeben von Ullrich Melle. Den Haag, Martinus Nijhoff, 1985, 214 s.
7. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. Husserliana VI. Herausgegeben von Walter Biemel. Den Haag, Martinus Nijhoff, 1976, 323 s.
8. Husserl E. Erfahrung und Urteil / E. Husserl; Red. u. hrsg. von L. Landgrebe. – Hamburg: Meiner, 1999. – 492 s.
9. Husserl E. Erste Philosophie (1923/4). Zweiter Teil: Theorie der phänomenologischen Reduktion. Husserliana VIII. Herausgegeben von Rudolf Boehm. Den Haag, Martinus Nijhoff, 1959, 190 s.
10. Husserl E. Ideen zur einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution. Husserliana IV. Herausgegeben von Marly Biemel. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952, 483 s.
11. Husserl E. Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester. 1925. Husserliana IX. Herausgegeben von Walter Biemel. Den Haag, Martinus Nijhoff, 1968, 651 s.